

ДЕТЕКТИВ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЧИНГИЗ

АБДУЛЛАЕВ

Хранители холода

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Хранители холода / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. —
(Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-699-91140-0

Когда у отставного полковника госбезопасности Тимура Караева бесследно пропал его близкий друг и коллега, а его самого попытались убить, он сразу почувствовал руку спецслужб. Ведь разведчики бывшими не бывают, рано или поздно они попадают в поле зрения «коллег». Вот только какая служба заинтересовалась ими? Чтобы это выяснить, пожалуй, придется встретиться кое с какими важными людьми. Караев знает по опыту, что идет на верную смерть, но порой истина дороже жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч. А., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-91140-0

ООО «Издательство «Э», 2016

Пин жесток с животными. Они такие же безобразные и непостижимые существа, как и люди. Вероятно, скверно быть маленьким насекомым — быть зеленого цвета, какать по капельке и все время бояться, что вот-вот появится какой-нибудь человек, вроде него, Пина, с огромным лицом, усыпанным рыжими и темными веснушками, и с пальцами, способными разорвать кузнечика в мелкие клочья.

«Трона научных гнезд».

Итало Кальвино

Тем не менее кубок был доказательством, доказательством того, что он сделал еще шаг на пути к цели, к тому, чтобы навсегда избавиться от боязни разоблачения и насмешек, а это позволит ему наконец зажить своей собственной жизнью в мире тайн, так, чтобы ни один человек на свете не подозревал, кто он и что у него на уме.

«Маленький лорд».

Юхан Борген

Средство борьбы со злом нередко бывает гораздо хуже самого зла.

Публий Сир

Юрмала. Латвия.

4 мая 2006 года

Он любил приезжать сюда и прогуливаться по берегу моря ранним утром. Этой привычке было уже более десяти лет. К семидесяти годам Иварс Залькалис полюбил подобные прогулки на свежем воздухе. Раньше на них не хватало

ни времени, ни сил. Но в последние годы у него появилось слишком много свободного времени, и он мог позволить себе долгие прогулки по песчаным пляжам Юрмалы.

Бывший высокопоставленный сотрудник Комитета государственной безопасности Латвии, оставшийся в своей стране и даже получавший приличную пенсию от нового государства, Залькалис ушел в отставку в звании полковника еще в девяносто первом году, а затем в течение нескольких лет помогал новым структурам, создаваемым в его стране.

Он никогда не вспоминал о своих прежних товарищах, многие из которых оказались в тюрьме или вынужденной эмиграции. На всю его многолетнюю работу до девяносто первого года было наложено негласное табу. На прежнюю дружбу, прежние идеалы, прежние знакомства. Вся его жизнь словно начиналась с пятидесяти пяти лет, когда он вышел на пенсию и через несколько месяцев снова вернулся в привычные коридоры, но уже в другом качестве. Для многих это была грустная и трагичная история жизни, для него она была более чем успешной.

Вдыхая морской воздух, он шел по пляжу в своих новых кроссовках, которые он приобрел совсем недавно в модном спортивном магазине, открывшемся недалеко от его дома. Спортивная куртка, джинсы, цветная рубашка — он любил поддерживать себя в форме. Даже сейчас он выглядел лет на десять моложе своего воз-

раста. Обычные старческие недуги обходили его стороной.

Залькалис обернулся. Смутное беспокойство он почувствовал еще полчаса назад. Этот высокий мужчина, появившийся на пляже в довольно холодную погоду и так же бесцельно прогуливающийся между песчаными дюнами, как и он сам. Откуда появился здесь этот незнакомец? Или он тоже любитель прогулок на свежем воздухе? Но раньше его здесь не было.

Залькалис ускорил шаг. Незнакомец начал отставать, очевидно, в его планы не входило догонять другого одинокого путника. Залькалис еще раз обернулся и усмехнулся. Его бывшая профессия подсознательно делала его подозрительным. Сколько лет прошло с тех пор? Пятнадцать. Сейчас уже мало кого интересует, что происходило в Латвии до девяносто первого года. И после тоже. Постепенно успокоились обе стороны. И хотя некоторые старики, бывшие ветераны с обеих сторон, все еще пытаются доказывать свою истину, все давно махнули на них рукой. У каждого сегодня свои проблемы.

Залькалис посмотрел на море. Сегодня оно было беспокойным, седые волны накатывались на берег. В такую погоду лучше не выходить в море, подумал он. Хотя некоторые рыбаки часто рискуют. Он решил повернуть назад.

Незнакомец, сильно отставший от него, медленно подходил. Они начали сближаться. Незнакомец часто смотрел в сторону моря — воз-

можно, также думал о плохой погоде или размышлял о чем-то своем. Залькалис даже решил, что нужно будет познакомиться с этим чудачком, который появляется у моря так рано, чтобы понаблюдать за восходом солнца.

Они подходили друг к другу. Расстояние сокращалось. Пятьдесят метров, тридцать, двадцать, десять. Незнакомец был выше среднего роста, носил старомодную шляпу и длинный плащ. Он был в очках, и поэтому солнечные блики, отражавшиеся на стеклах, мешали Залькалису рассмотреть выражение его лица. Наконец они сблизились.

— Лабрист, — по-латышски пожелал доброго утра неизвестному Залькалис.

— Здравствуйте, — ответил тот по-русски.

Иварс улыбнулся. Несмотря на прошедшие пятнадцать лет и на изменившийся мир, все еще многие люди упрямо говорят по-русски. Ни для кого не секрет, что почти половина людей, проживающих в Риге, считает русский язык родным и предпочитает общаться именно на нем. Залькалис подумал, что незнакомец, возможно, приехал из Риги.

— Вы не говорите по-латышски? — перешел он на русский.

— Нет, — ответил незнакомец, — я не понимаю латышского.

Ему было лет шестьдесят. Или чуть больше. Высокий рост, тонкие губы, прямой нос, внимательный взгляд.

— Вы, наверно, приезжий? — Залькалис решил, что нужно закончить этот разговор. В конце концов, необязательно знакомиться с каждым встречным.

— Да, — кивнул неизвестный. Он засунул руку в карман своего длинного плаща, и Залькалис почувствовал некоторое беспокойство.

— До свидания, — кивнул Залькалис своему случайному собеседнику. Возможно, этот тип был одним из тех редких отдыхающих, которые появлялись здесь даже в начале мая.

Залькалис прошел мимо. Он успел сделать два шага, когда неизвестный его окликнул.

— Атвайнуонет, — неожиданно остановил его незнакомец. Он произнес слово «извините» по-латышски.

Залькалис изумленно обернулся.

— Вай юэс рунаят латвиски? — переспросил он неизвестного. Что означало: «Вы говорите по-латышски?»

— Я приехал к вам, полковник Залькалис, — вдруг сказал неизвестный, доставая правую руку из кармана. В ней был пистолет с глушителем. Ошибиться было невозможно. Очевидно, в этом длинном плаще были такие карманы. Нет, в последние секунды своей жизни профессионально отметил Залькалис, у этого типа был специально сделанный карман для подобного вида оружия.

— За что? — успел спросить он, ошеломленно глядя на незнакомца.

— За все, — ответил убийца и спустил курок. Первый выстрел, второй.

Залькалис упал на песок. Кровь плохо впитывалась в мокрую землю. Неизвестный чуть приподнял пистолет и сделал контрольный выстрел. Затем быстро пошел дальше, уже не оглядываясь на убитого. Тело Залькалиса нашли через три часа случайные прохожие, оказавшиеся в этот холодный день на песчаном пляже. Неизвестный в это время был уже в самолете, который вылетал из Риги. Пистолет с глушителем он выбросил. Подобную улику необязательно иметь с собой. Даже не очень профессиональному убийце. А он был одним из лучших профессионалов.

Дудерштадт. Германия.
7 мая 2006 года

В Европе окончание войны и победу над фашизмом отмечали восьмого мая. Формально все было правильно. В тот момент, когда фельдмаршал Кейтель и сопровождавшие его лица подписывали капитуляцию Германии в Европе, было восьмое мая, а в Советском Союзе к этому времени было уже девятое мая, сказывалась разница во времени.

Седьмое мая было воскресеньем перед праздником, и Зинаида Маланчук провела этот день вместе со своими родными. Муж у нее умер семь лет назад и был похоронен в Бремене, где они то-

гда жили. Пять лет назад она перебралась сюда, продала квартиру в Бремене и купила дом в Дудерштадте. Отсюда было совсем близко до Веймара, где проживали ее дочь с мужем и двое внуков. В этом городке она купила себе хороший дом с небольшим садом. Как раз такой, о котором все время мечтала. В Бремене у них была всего лишь квартира в городском доме на четвертом этаже.

Еще в девяносто пятом в бывшую Восточную Германию переехала ее дочь со своим мужем, которые поселились в Веймаре. На территорию бывшей ГДР Зинаиду долго не пускали ее новые хозяева. Сначала спецслужбы категорически возражали против подобных «экскурсий», даже после объединения Германии, затем она сама не хотела туда ехать. И лишь несколько лет назад, уже после смерти мужа, она навестила дочь. Первое, что увидела Зинаида, едва выйдя с вокзала, — был памятник лидеру немецких коммунистов Эрнсту Тельману, установленный на площади, чуть ниже вокзала. Ее неприятно поразило, что у памятника были живые цветы. Очевидно, его почитатели были даже в объединенной Германии.

Зинаида провела в Веймаре несколько дней и вернулась в свой, уже ставший родным Дудерштадт. Этот город находился буквально на самой границе между двумя бывшими немецкими государствами. Раньше здесь размещался американский батальон, и его казармы находи-

лись на окраине города. Дудерштадт жил в постоянном ожидании русских танков, которые стояли в нескольких километрах от границы, где размещался советский танковый полк. Но танки так и не появились, граница между двумя государствами исчезла, тяжелые надолбы убрали, рвы засыпали, проволоку сняли. Американцы ушли из городка, и Дудерштадт стал обычным тихим провинциальным городом. Но он находился на бывшей Западной территории, и это как-то успокаивало Зинаиду Андреевну.

Ей было уже далеко за пятьдесят, но эта невысокая худая женщина бегала по утрам, принимала холодный душ и плавала в бассейне ежедневно по два часа. Одним словом, она следила за собой и была в прекрасной форме. Ее дочери шел уже тридцать третий год. Мужу было под сорок. Они поженились еще в девяносто четвертом году, когда дочери было двадцать один и она была уже студенткой университета в Гамбурге, куда Николай приехал на практику. Он не мог знать, что Зинаиде Маланчук, ее супругу и дочери было предоставлено немецкое гражданство еще в девяносто первом году, за особые заслуги перед объединенным немецким государством. Николай не должен был узнать, что Зинаида Михайловна работала в Германии по линии бывшего Главного разведывательного управления Генштаба СССР и еще в восемьдесят восьмом начала сотрудничать с немецкой

разведкой БНД. Сотрудничество закончилось к началу девяносто первого года, когда Маланчук едва не разоблачили. Немцы вывезли ее тогда из Шверина в Гамбург, благо границ к тому времени уже не было. Первые годы ее прятали в небольшом городке Бремерферде, находившемся между Гамбургом и Бременом. После вывода советских войск в девяносто четвертом ей наконец разрешили поселиться в Бремене.

С тех пор прошло так много лет. Ей платили хорошую пенсию, да и деньги, которые она получила за свое «сотрудничество», оказались нелишними. Они вместе с мужем купили неплохую квартиру, приобрели две машины. Теперь они могли позволить себе увидеть мир, поехать по Европе. К началу девяносто шестого в Западной Европе появилась Шенгенская зона и можно было ездить в большинство соседних государств уже безо всяких формальностей. Но через три года умер супруг Зинаиды Михайловны. Внешне он был здоровым пятидесятилетним мужчиной, но она знала, как часто он жаловался на свое сердце. По большому счету, он так и не смирился с этим переездом. До побега на Запад он работал консультантом крупной строительной компании в Шверине, помогал сооружать новые здания. После побега несколько лет сидел без дела, и они жили на ее деньги. Когда он захотел вернуться к своему любимому детищу, было уже поздно. Его никуда не принимали. Он остался дома, замкнул-

ся в себе, стал много курить. Он почти не пил, и это волновало Зинаиду Михайловну. В последние годы перед смертью он устроился в небольшую строительную фирму, но сердечные приступы повторялись все чаще и чаще. Врачи считали, что ему необходимо шунтирование, но он категорически отказывался ложиться в больницу. И однажды ночью очередной сердечный приступ оказался роковым. Зинаида Михайловна не любила вспоминать об этом. Она понимала, что вынужденное бегство на Запад, его одиночество, невостребованность, разрыв прежних связей оказались для мужа слишком тяжелым испытанием.

В это воскресенье дочь привезла в Дудерштадт всю семью. Вечером они должны были заехать в Геттингем, к друзьям Николая, а затем вернуться обратно. Дочь забрала с собой старшую дочку, оставив на попечение матери младшую, двухлетнюю Лизу. Они должны были вернуться к десяти часам вечера. Когда они уехали, Зинаида Михайловна включила телевизор, усадила на диван свою внучку и поднялась на второй этаж, чтобы закрыть окно в спальней.

В этом городке почти никто и никогда не закрывал дверей на замок. Здесь все знали друг друга, все жили рядом десятилетиями. Зинаида Михайловна поднялась наверх, в спальню, закрыла окно и спустилась вниз по лестнице. Подошла к входной двери. Открыла ее и посмотрела

на пустую улицу. У дома стоял ее «Опель», которой она купила несколько лет назад. Мимо проехал на велосипеде соседский мальчишка. Она улыбнулась ему, и он вежливо поздоровался. Она захлопнула дверь и вернулась в гостиную. Лиза ползала по дивану, весело играя с двумя мягкими игрушками, зажатыми у нее в руках.

Зинаида Михайловна убавила звук громко работающего телевизора и прошла на кухню. Лиза продолжала играть со своими игрушками. Внезапно звук стал громче. Зинаида Михайловна обернулась. Она оставила пульт управления на столике, в нескольких метрах от дивана. Неужели Лиза сползла с дивана? Она поспешила в гостиную. Взглянула на диван. Лиза по-прежнему сидела на диване, растерянно глядя на бабушку. Игрушки лежали рядом. Девочка испуганно моргала.

«Наверно, включила рекламу», — подумала Зинаида Михайловна, подходя к столику. И в этот момент почувствовала, что у нее за спиной кто-то появился. Она его не услышала, только почувствовала. Непонятную тень. Или движение воздуха. Очевидно, неизвестный вошел, когда она была на втором этаже. Нужно посмотреть — кто это решил войти в ее дом? Но обернуться она не успела. Незнакомец ловко и быстро накинул ей на шею удавку, которая больно сдавила горло, не давая дышать. Но убийца не спешил. Он словно нарочно давал ей возможность почувствовать